

18+

КОЛДЫ

БАБУШКИНОЙ ВАЗЫ

Елена Асатурова
рассказы

Елена Асатурова

Осколки бабушкиной вазы

«Издательские решения»

Асатурова Е.

Осколки бабушкиной вазы / Е. Асатурова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534007-8

В сборник «Осколки бабушкиной вазы» вошли рассказы и миниатюры разных лет, объединённые темой любви — к Родине, жизни, женщине, близким людям.

ISBN 978-5-00-534007-8

© Асатурова Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Хризантемы	7
Якоря	14
Поезд в август	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Осколки бабушкиной вазы

Елена Асатурова

Памяти папы, Солодова Владислава Анатольевича

© Елена Асатурова, 2021

ISBN 978-5-0053-4007-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогой читатель! Перед тобой моя новая книга, в которой каждый рассказ – как стёклышко калейдоскопа, как осколок старинной вазы, в каждом из которых отражается своя история. Они, казалось бы, совсем разные, но объединяет их тема любви – к нашим близким, к Родине, жизни, женщине. Собирая эти осколки воедино, мы сохраняем в памяти историю своего рода, яркие моменты прошлого и немного фантазируем, рисуем будущее.

Мой опыт написания малой прозы пока невелик, можно сказать, это первые шаги в этом жанре. И, наверное, лучше всего о них расскажут отзывы тех, кто уже прочёл эти произведения.

«Трогательный жизненный рассказ. Читается легко, на одном дыхании и красной полосой проходят доброта, верность и любовь» – Нурия Шагапова, член Национального Союза писателей Кыргызстана о рассказе «Якоря».

«Рассказ трогает и берёт за душу. Начало как сказка, в которую трудно поверить, а концовка очень неожиданная и трагичная. Что мне кажется особенно важным в произведениях о жертвах домашнего насилия – это раскрывать внутренний мир жертвы, дабы sensibilizировать общество и искоренять предрассудки» – Ольга Патермане, поэтесса (Германия) о рассказе «Хризантемы».

«Невероятная, тяжелая судьба человека. И откуда только силы брались, так много пережить, пронести веру. Рассказ небольшой, но какой-то емкий, и в нем гармонично переплетаются и хроника исторических событий того времени, и художественные вкрапления, и не смотря на драматические события, он пронизан светом, добром, верой, конечно» – Анна Данилова, писатель (Саратов) о рассказе «Добрый пастырь».

«С огромным удовольствием прочитал этот удивительный, такой чистый и романтический рассказ, в котором даже все детали и мелочи того времени переданы с фотографической точностью. Студентом работал проводником, поэтому знаю не понаслышке. Психологически всё верно и пронзительно. Спасибо за ностальгию» – Анатолий Градницын, писатель (Иркутск) о рассказе «Поезд в август».

«С огромным удовольствием прочитала рассказ, как будто фильм посмотрела, образно, красиво и уютно написано. Концовка рассказа наводит на мысль, что все в этом мире бrenно, не вечно, шатко. Интересно и пробуждает к философии» – Лара Продан, писатель (США) о рассказе «Курьеры Апокалипсиса».

«Получилось захватывающе и даже немного пугающе. Тревожно слегка. Будем надеяться, что фантастика ею и останется, не станет реализмом))) Замечательный рассказ. И неожиданный подход к раскрытию темы» – Евгения Михайлова, поэтесса (Москва) о рассказе «Нераскрытый подарок на Рождество».

«С удовольствием прочёл ваш замечательный прозаический и поэтический калейдоскоп. Спасибо за путешествие в страну детства!» – Сергей Гор, журналист, писатель (Дубна) о рассказе «Осколки бабушкиной вазы».

Хризантемы

Ольга Сергеевна закрыла последнюю тетрадь с сочинением по повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», отложила шариковую ручку с красной пастой и потянулась, расправляя плечи. Что ж, сегодня её 10 «Б» поработал неплохо, много интересных мыслей, рассуждений, часто со свойственным юному возрасту максимализмом. Она с удовольствием поставила пятёрки и твёрдые четверки, а троек-то и всего парочку, за совсем уж слабые, поверхностные работы. Встала, подошла к окну, выходящему на школьный сад, прижалась лбом к холодному стеклу. Задержалась в этом году осень, не спешит уступать дорогу зиме. Ольга Сергеевна распахнула форточку, в классную комнату ворвался пряный ноябрьский воздух, зашелестел бумагами на столе. Ранние сумерки окутывали сад, сквозь тёмные, уже почти голые ветви задрожал свет уличных фонарей, тени паутиной расползались по двору...

Тишину разорвал резкий звонок мобильного. Она, вздрогнув, схватила сумку и стала искать телефон, который, как всегда, утонул в её недрах. Наконец, он был обнаружен между двух толстых методичек и тут же замолк. Взглянув в светящееся окошечко телефона, Ольга Сергеевна закусила губу, быстро закрыла окно, побросала что-то в сумку со стола, погасила свет и поспешила из класса. Каблучки её туфель, удобных, немецких, устойчивых, застучали по лестнице. На ходу набрала номер и оживлённо зашебетала в трубку: «Я уже выхожу. Нет, конечно, я помню, что Хомяковы ждут нас к шести. У меня ещё полчаса, я успеваю. Подожди меня у выхода из метро. Нет, что ты, я не опоздаю».

В учительской раздевалке, где одиноко висело её пальто, она быстро переобулась, набросила шарф, мимоходом взглянула в старое, неизвестно сколько лет висящее здесь зеркало. На неё смотрела стройная, среднего роста шатенка, выглядящая моложе своих сорока с хвостиком. Аккуратная «школьная» причёска, неброский макияж, который следовало бы освежить, но время, время... Ладно, пара минут есть. Ольга Сергеевна прошлась по лицу спонжем из пудреницы, мазнула по губам помадой, поправила непослушный локон. Разглядела несколько новых морщинок у глаз... Всё, пора бежать.

«До завтра, тётя Катя!» – крикнула уборщице, моющей полы в коридоре. С полдороги вернулась – пакет с подарком для Хомяковых забыла в раздевалке. Уже пробегая по двору, подумала: «А в зеркало то я не посмотрела, когда вернулась – плохая примета».

Хомяковы отмечали очередную годовщину свадьбы. Дата не юбилейная, можно было бы посидеть дома, в узком кругу друзей. Но глава семьи, сделавший неплохую карьеру в одном солидном ведомстве, любил кутить широко, с размахом. И использовал любой повод, чтобы показать всем приглашённым: мы, Хомяковы, не жадничаем, можем себе позволить банкет в дорогом ресторане. Вот и на этот раз был выбран такой – недавно открытый модным ресторатором. Уютный, стильный – сразу отметила Ольга Сергеевна, оглядываясь вокруг, пока муж передавал гардеробщику её пальто и большую учительскую сумку. Мягкий, приглушённый свет, делающий всех женщин моложе и обворожительнее. Приятная цветовая гамма без кричащего пафоса. Откуда-то доносится негромкая музыка. Надо же, это адажио мольто из «Осени» Вивальди. У владельца ресторана явно хороший вкус. Чета Хомяковых встречала гостей у входа в банкетный зал, обмениваясь рукопожатиями, дружескими похлопываниями по плечу и поцелуями.

– Оленька! Вадим! Как мы рады вас видеть, – густой бас Хомякова, под стать его крупной фигуре, заглушал звуки скрипок, а бриллианты на его дородной, под стать мужу, супруге блестяли ярче люстр и бра. – Ну как там наше образование, растит ли собственных Платонов?

Привычная шутка сопровождалась громким, раскатистым смехом. Ольга Сергеевна также привычно улыбнулась, отшутилась, обменялась дежурным поцелуем с Хомяковой и, взяв мужа под руку, вошла в зал.

Конечно, Вадим прав, не стоило засиживаться в школе с этими сочинениями, надо было уйти пораньше, зайти домой, переодеться. Все дамы в вечерних платьях, лишь она в строгом деловом костюме и светло-лиловой блузке, которую постаралась оживить ярким шейным платком. Платок, между прочим, дорогой, шёлковый, подруга Сима привезла из Франции, куда попала по горящей путёвке. Наверняка сэкономила на круассанах, добрая душа. Но муж всё равно не доволен, переживает за имидж. Ольга Сергеевна хотела отвлечь его и начала рассказывать о сегодняшнем сочинении, но Вадим резко перебил: «Здесь никому не интересны твои школьные глупости! Побереги их для своих старых дев и не позорь меня. Хомяков пригласил важных людей, с которыми собирается меня познакомить. И им совсем не стоит знать, что моя жена – простая училка!»

Неприятный разговор прервал официант с подносом, на котором стояли напитки. Вадим взял стакан виски, сунул ей в руку бокал шампанского (а ведь знает, что не любит она эти пузырьки) и отошёл к группе мужчин. Ольга Сергеевна сморгнула непрошенную слезинку, незаметно пристроила шампанское на подоконник, нашла официанта, снующего между гостями, и взяла бокал белого вина. Побродила по залу, перебросилась приветствиями и ничего не значащими фразами с парочкой знакомых дам, чтобы чем-то себя занять, маленькими глотками выпила вино. У него оказался приятный свежий вкус с ароматом липы.

– Это вино я привёз из Италии, – голос за её спиной был низкий, тягучий, как мёд. – Обратите внимание, что в нём отчётливо слышен запах свежее испечённого хлеба, как летом в деревне у бабушки.

Ольга Сергеевна обернулась и встретила взглядом с обладателем необычного голоса и знатоком вин. «Среднего роста, лет тридцати пяти, хорошо сложен, регулярно занимается спортом, даже накануне зимы на лице морской (или горный?) загар, – пронеслось у неё в голове. – Лёгкая улыбка, голубые смешливые глаза, выгоревшая чёлка, небрежно спускающаяся на высокий лоб». От остальных гостей его отличала какая-то нарочитая небрежность в одежде – вместо костюма потёртые джинсы, простая белая рубашка и твидовый пиджак с замшевыми заплатками на локтях. Конечно, видно, что небрежность эта фирменная и дорогая, но Ольге Сергеевне все равно стало приятно, что не одна она противоречит сегодняшнему дресс-коду.

– Разрешите представиться: Константин! – мужчина обезоруживающе улыбнулся, и, поймав её ладонь, прикоснулся губами к запястью. От неожиданности она чуть не отдернула руку, но вовремя сдержалась и улыбнулась в ответ, как будто целование рук для неё – самое обычное дело. «А ведь мне никто никогда не целовал руки!», – промелькнула мысль.

– Ольга... Сергеевна. Ой, просто Ольга.

– Очень приятно, Ольга... Сергеевна, – дружеская, совсем не обидная усмешка проскользнула в его голосе. – Давайте, я угадаю: Вы преподаёте. В школе, в институте?

– Неужели это так заметно? – она смутилась и невольно стала искать глазами Вадима. Но он затерялся среди гостей, а может быть, и вовсе вышел из зала.

– Нет, просто все представляются Эллочками, Милочками и прочими уменьшительными именами, прямо как кошки. И с важным видом пьют сухое шампанское, еле сдерживаясь, чтобы не скривиться от его вкуса, а сами наверняка любят вина послаще или даже коньячок, – Константин заговорщически подмигнул ей. – А Вы такая... настоящая, и представились по отчеству, как учительница или ответственная сотрудница госучреждения. Но ответственные сотрудницы обычно пьют водку, носят очки и не прислушиваются так внимательно к Вивальди.

– Как, Вы и это заметили? – она давно не ощущала такого внимания со стороны мужчин, это было волнующе и приятно. – Сдаюсь, Вы угадали, я действительно преподаю в школе русский язык и литературу в старших классах. А Вы? Чем Вы занимаетесь? Торгуете вином?

Рассказ Константина о виноградниках Средиземноморья был прерван грохочущим басом Хомякова:

– Друг мой, ты, как всегда, находишь самых красивых женщин в любом обществе. Оленька, не верьте этому Дон Жуану и разрешите похитить его у Вас. Константин, хочу познакомить тебя с моим давним приятелем, отличным специалистом...

Рядом с Хомяковым стоял Вадим, вежливая улыбка которого не предвещала ничего хорошего. В этот момент метрдотель пригласил всех к столу, официанты начали отодвигать стулья для дам, зазвенели приборы – праздничный ужин начался.

Домой возвращались на такси. Попытка Ольги Сергеевны поговорить о прошедшем вечере и отличной кухне нового ресторана разбилась о холодное молчание мужа. Переговоры с важными гостями Хомякова он тоже не захотел обсуждать. Поэтому тишину в машине нарушали лишь тихие звуки радио. В таком же тягостном молчании поднимались в лифте.

Вадим открыл дверь квартиры, вежливо пропустил жену вперед, помог снять пальто. Она поставила сумку на банкетку, сняла сапоги, тихонько заглянула в комнату дочери – пятнадцатилетняя Даша уже спала, обхватив рукой выдавшего вида плюшевого медвежонка. С этого года Дашка училась в художественном колледже, а после занятий ходила в секцию по плаванию. Устала, конечно, вот и не дождалась родителей, уснула.

Ольга Сергеевна заглянула на кухню – там царил порядок, дочка всё помыла, убрала, умница. Гостиная пуста, значит, Вадим уже в спальне, ждёт её. Прошла в ванную, умылась, аккуратно сняла костюм. Блузку бросила в корзину для стирки, туда же отправились колготки. Накинула халатик. В последнюю очередь осторожно развязала яркий шёлковый платок. Подержала тонкий комочек ткани в руке, вспоминая вкус итальянского вина, запах липы и хлеба, поцелуй запястья. Перед тем, как выключить свет и шагнуть в спальню, бросила взгляд в большое, до пола, зеркало. На шее отчётливо выделялись багровые, бледнеющие по краям синяки.

Закусив губу, Ольга Сергеевна щёлкнула выключателем и вошла в спальню. Через пару минут оттуда донеслись злобный шёпот Вадима, звуки глухих ударов и её короткие всхлипы... Не разбудить бы Дашу...

Завтракали втроем – традиция, которую Вадим научил соблюдать неукоснительно. Образцовая семья – заботливые родители, любящая дочь за одним столом обсуждают планы на день, слушают утренние новости, а потом разбегаются по делам. Вадим обычно подвозит Дашу в колледж, а Ольга Сергеевна ходит пешком – школа недалеко от дома, минут двадцать через парк. На улице заметно похолодало, всё-таки дело к зиме, поэтому плотная тёплая водолазка с высоким воротом и мягкий вязаный кардиган никого не удивят. Надевая пальто, она поморщилась от неловкого движения. Минутку постояла, прислонившись к стене и неглубоко дыша, затем подхватила сумку, захлопнула дверь.

Парк в это время пустынен и хмур, только торопливо гуляют собачники со своими питомцами, да дворник Фазиль метёт листву.

– Олга Сергевна, как там мой оболту'с?! – с ударением на последнем слоге кричит он издалека. Сын Фазилия учится в её классе, тихий, старательный мальчик, которому она изо всех сил натягивает тройку по русскому языку.

– Хорошо, Фазиль, Ваш сын молодец, я довольна его результатами, – она приветливо машет дворнику рукой и спешит дальше.

На аллеях последние листья – влажные, тёмные, пахнущие остро и тревожно. Она идёт, опустив голову, разглядывая этот умирающий под ногами ковёр, и не замечает человека, стоящего на её пути. Только увидев среди листвы носы кожаных ботинок и ткнувшись головой в чью-то грудь, в испуге поднимает глаза.

– Константин, что Вы здесь делаете? – она удивлена этой неожиданной встрече.

– Доброе утро, Ольга... Сергеевна. Вчера нам не удалось закончить разговор, а после ужина Вы так быстро исчезли, что я не успел попрощаться и обменяться телефонами. И вот,

решил исправить эту оплошность, – мужчина протянул ей букет, который всё это время прятал за спиной. – Мне кажется, что Вы должны любить такие цветы.

Горьковатый аромат лиловых хризантем, качающих своими растрёпанными головками, заглушил все запахи осеннего парка. Она безотчётно взяла букет и опустила в него вмиг загоревшееся лицо.

– Как Вы догадались? – она повторила свой вчерашний вопрос, и оба рассмеялись – Я обожаю хризантемы, хотя многие считают их траурными цветами.

– Вчера среди разряженной толпы Вы были как эта хризантема, – он коснулся пальцем цветка, – трогательная, нежная, немного растрёпанная... и до невозможности красивая...

– Константин, простите меня, но Вам не следовало разыскивать меня и приходить сюда. Я замужем. И сейчас я опаздываю на урок. Мои ученики, они тоже ходят в школу через парк, будет неудобно, если они увидят меня с Вами... – Ольга Сергеевна понимала, что говорит какие-то пустые, банальные слова, но тупая боль в правом боку настойчиво напоминала о себе и заставляла оставаться благоразумной. – Пожалуйста, уходите и больше не ищите со мной встреч.

Она ускорила шаг, но Константин не думал отставать.

– Ольга, объясните, почему я не могу увидеть понравившуюся мне женщину. Женщину, которая меня заинтересовала, почему не могу говорить с ней, дарить ей цветы, просто любоваться ей, в конце концов! Я хочу узнать Вас ближе... хочу рассказать Вам о себе. Давайте встретимся после уроков, и мы где-нибудь посидим, выпьем кофе...

– Потому что Вы ничего, ничего обо мне не знаете. И я не могу, не могу с Вами встретиться, куда-то пойти... Прощайте, Константин, и прошу, не преследуйте меня, – Ольга Сергеевна уже почти бежала по аллее, не замечая, что по-прежнему прижимает к груди букет лиловых хризантем...

– Олечка Сергеевна! – в класс заглянул учитель физики, Самуил Израилевич, аккуратный старичок в неизменном чёрном галстуке и роговых очках. – Педсовет сегодня отменили, нашего директора срочно вызвали в РОНО, какие-то новые распоряжения про зимние каникулы. Так что, голубушка, можно идти домой, потому что, судя по тучам, скоро разверзнутся хляби небесные.

«И физикам не чужда лирика» – подумала она, оторвавшись от созерцания букета, стоявшего на столе в простой стеклянной банке.

– Спасибо, Самуил Израилевич, за добрые вести, я, пожалуй, потороплюсь, зонтик точно дома забыла.

Тяжелые холодные капли упали на землю в тот момент, когда она спустилась со школьного крыльца.

«Наверное, стоит вернуться и переждать, иначе я промокну до костей» – мелькнула мысль, но додумать её она не успела.

– Как кстати я прихватил с собой зонт! – над её головой раскрылся большой чёрный купол. – Давайте добежим до машины, пока дождь не разошёлся.

Константин решительно взял её сумку, набитую тетрадками, и они побежали к припаркованному у ворот школы джипу.

В машине было тепло, пахло кожей, ванилью и... хризантемами. Огромный букет, на этот раз белых, с крупными шарообразными головками цветов лежал на заднем сидении.

– Я так и подумал, что утренний букет Вы оставите в школе, – Константин протянул руку назад и положил букет ей на колени. Потом нажал кнопку на панели – салон заполнили звуки скрипки. Вивальди. На этот раз третья часть «Осени», аллегро.

– Вы видите, Оля, сама природа вступилась за меня. И за спасение от мокрых ног и неминуемой простуды Вы отблагодарите меня, составив компанию за скромным ужином в одном

тихом и милым месте. Возражения не принимаются, – он завел машину, дворники проворно разогнали потоки воды на стекле.

Где-то сбоку снова шевельнулась тупая боль, но Ольга Сергеевна давно научилась с ней договариваться и сейчас задвинула её подальше, ответив своему спасителю задорным: «Поехали!»

Место, куда привез её Константин, действительно было очень уютное и малолюдное. Небольшой подвальчик, затерявшийся среди старинных особняков в историческом центре города, тяжёлая дверь без вывески, узкая лестница вниз. Её спутника здесь хорошо знали и ждали – появившийся из полумрака администратор провел их в глубину зала, к накрытому на двоих столику. Подоспевший официант ловко зажёл свечи, разлил вино и незаметно исчез. Она перестала удивляться тому, что происходило вокруг, просто позволила себе забыть (пусть ненадолго, на один вечер) школу, дом, Вадима, даже Дашку, – и плыть, плыть по волнам мягкого, обволакивающего голоса, наслаждаться великолепной кухней, смаковать изысканное вино. И говорить, не боясь быть остановленной и осмеянной, о том, что было ей важно и дорого. О русской литературе, о нелюбви современных школьников к чтению, о её стремлении хоть немного приобщить их к таинствам великих книг, о музыке. Константин внимательно слушал Ольгу Сергеевну, вставляя уместные и острые замечания, а потом рассказывал о своих поездках по миру, виноградниках, морских переходах на яхте.

Она не замечала, как летит время и ни разу не вспомнила о сумке с телефоном, которая осталась в гардеробной. Они ели, пили, разговаривали, незаметно перейдя на «ты». Потом Константин пригласил потанцевать. Ольга Сергеевна отказывалась, ссылаясь на свой скромный наряд, но потом всё же согласилась. Тихая мелодия, трепет свечей, сильные и нежные руки, ведущие её в танце – казалось, всё это происходит не с ней. Такое бывает только в кино, в тех многочисленных нелепых сериалах, которые так любит её подруга Сима. Рассказать ей – не поверит... А эти голубые глаза напротив – как озёра, в которых и утонуть не страшно.

– Ой, – она вскрикнула от внезапной боли. Это рука Константина сильнее прижала её к себе. – Прости, я, наверное, споткнулась. Мне нужно отойти на минутку...

Выскользнув из его объятий, она поспешила в дамскую комнату. Перевела дыхание, побрызгала в лицо холодной водой. Потом долго держала под струёй руки – бабушка так учила успокаиваться.

– Господи, что я делаю? Вадим, наверное, уже оборвал мой телефон, проверил, что педсовет отменили, и в школе давно никого нет. Нужно возвращаться домой и забыть это всё, как сон... Сон, за который придётся платить.

Ольга Сергеевна взглянула в зеркало и обомлела. Вместо усталой скромной учительницы на неё смотрела молодая, привлекательная женщина с ярким румянцем, блестящими глазами, живописно растрепавшимися локонами. Такая, какой она помнила себя лет десять назад.

Ольга вернулась в зал, легкая улыбка играла на её губах, не тронутых помадой, но и без того ярких, зовущих. Выпила еще немного вина, танцевала, положив голову на плечо Константина, и, не жеманничая, согласилась поехать к нему домой. Телефон, не глядя на количество неотвеченных звонков и сообщений, она отключила в машине.

Хотя Ольга Сергеевна никогда не бывала в таких квартирах – современных, просторных, обставленных с кажущейся простотой, но напичканных всеми возможными техническими приспособлениями, облегчающими жизнь делового одинокого мужчины, на всё это она не обратила внимания. Так же не рассмотрела большую библиотеку, картины на стенах, сверкающую хромом кухню. Запомнила только необычайно широкую кровать, скользящее по телу шёлковое белье, трепет кожи под нежными, но требовательными пальцами, губами. Страстный шёпот в полумраке, восторг, зарождающийся где-то в глубинах её естества и готовый вырваться

наружу... И свой дикий крик боли и хлынувшие слёзы, когда Константин решил подхватить её за талию, чтобы повернуть и поцеловать...

Потом они долго сидели на мягком ковре в гостиной, перед каким-то необычным, похожим на летающую тарелку, камином. Он нежно баюкал её, завернутую в пушистый халат, как маленького ребёнка, и слушал выворачивающий душу рассказ о жизни с мужем – тираном и садистом. О беспричинных вспышках агрессии, мучительной ревности, унижениях, которые она терпела, чтобы не причинить травму дочери. О том, что все разговоры о разводе и расставании заканчивались очередными угрозами и избиениями. О том, как тяжело, когда ты не можешь никому рассказать о том, что с тобой происходит, потому что боишься.

– Оля, девочка моя, так жить нельзя. Твой муж – животное! Такие люди не останавливаются ни перед чем. Однажды он просто убьёт тебя. Дома оставаться нельзя, забирай дочь и уезжай.

– Костя, мне некуда уйти. Родители жили в маленьком военном городке, когда умерли, служебная квартира отошла государству. Родственников, которые могли бы меня принять, тоже нет. И как я объясню всё это Даше?

– Ты думаешь, твоя дочь ничего не замечает, не понимает?! Вы можете перебраться ко мне, Дашу поселим в кабинете, там удобный диван. А потом решим. Если вы не захотите жить здесь, я помогу найти квартиру и оплачу аренду. Зимой мы поедem в горы, я научу вас кататься на лыжах, а летом отвезу в Италию, познакомлю со своими друзьями – виноделами, мы отправимся в плаванье на яхте...

– Милый Костя, мы совсем чужие люди... Я старше тебя, у меня взрослая дочь. Зачем тебе мои проблемы?

– Нет, Оленька, ты мне не чужая... мне кажется, что я знаю тебя всю жизнь. О каком возрасте ты говоришь? ... Я чувствую тебя, понимаешь? Ты – моя женщина... Позволь помочь тебе, стать другом... Если ты потом не захочешь остаться со мной, я пойму. Но сейчас ты должна довериться мне... Я найму хорошего адвоката, он избавит тебя от этого изверга... Не плачь, моя хорошая...

Ольга Сергеевна позвонила Даше, сказав, что ей пришлось прошлой ночью остаться у заболевшей подруги. Оказалось, дочка уснула рано и даже не заметила маминого отсутствия. Или сделала вид, что не заметила. Договорились сразу после занятий встретиться дома.

Потом она позвонила в школу и попросила небольшой отпуск за свой счёт по состоянию здоровья. Директор недовольства не скрывал, но поскольку Ольга Сергеевна была на хорошем счету и раньше никогда ничего не просила, согласился и дал 5 дней отпуска.

Теперь Сима. Вон сколько от неё неотвеченных вызовов! Бедная Серафима, наверное, всю ночь не спала. Так и есть, волновалась, особенно после ночных звонков Вадима, разыскивающего жену. Она успокоила подругу и пообещала связаться через пару дней.

Константин подвёз Ольгу Сергеевну к дому, чтобы собрала свои и Дашины вещи. Он хотел было подняться в квартиру, но она попросила дать возможность побыть одной и самой распрощаться с прошлым. Вадим всё равно на работе – что бы не случилось, он пунктуален, как часы, и с девяти до семнадцати будет торчать в своём офисе. Договорились, что Костя подъедет через час-полтора и заберёт её с вещами, а пока встретится со знакомым адвокатом. Выходя из машины, Ольга Сергеевна взяла букет белых хризантем, с вечера лежавший на сидении.

Поднявшись в квартиру, первым делом поставила увядшие цветы в воду, отнесла их в спальню. Пусть букет напоминает, что всё происходящее с ней – реальность. Что впереди ждёт свобода. И мужчина, который её понимает и чувствует. И который никогда не поднимет на неё руку. Чтобы цветы быстрее насытились влагой, взяла большие ножницы, обрезала стебли и привядшие листья. Достала чемоданы и начала складывать вещи, не разбирая, всё

подряд. От радости, поселившейся внутри, негромко напевала. И не услышала, как щёлкнул дверной замок...

Ольга Сергеевна заметила Вадима, когда он появился на пороге спальни. Увидев огромный букет на комод, жену, пакующую вещи и что-то мурлычашую под нос, стал чернее тучи. Она сразу поняла, что сейчас произойдёт – ещё до того, как муж начал выкрикивать ругательства и оскорбления, до того, как он занёс кулак над её склонённой головой, до того, как ваза с цветами разбилась об стену. За доли секунды перед её глазами пронеслись годы жизни в боли и страхе и одна-единственная ночь в любви и нежности. Она не позволит разбить эту ночь на тысячу осколков. Схватив попавшиеся под руку ножницы, резко выпрямилась и всадила их прямо в горло нависшего над ней Вадима. Капли крови брызнули во все стороны и смешались с облетевшими белыми лепестками её любимых хризантем...

Якоря

Мишка всегда хотел стать моряком. Вот сколько себя помнил, бредил морем, кораблями, парусами. Отчего пришла к нему эта блажь, как говаривала бабка Зинаида, он не знал. Откуда взяться морским просторам в захудалом райцентре Средне-русской возвышенности, в котором из всех водных артерий – обмелевшая и заросшая речка-переплюйка Гнилица, а из плавсредств – пара старых, разошедшихся лодок?

Может быть, всё началось с того, как Мишка нашёл на чердаке их ветхого, потемневшего и покосившегося дома матросскую бескозырку с посеженими лентами? Поблёкшие и местами почти стёртые буквы складывались в слово «Смелый». Кто и когда служил на этом «Смелом», не знала даже бабка Зинаида. Потому как в дом этот их семья переехала уже в середине шестидесятых, на волне очередного переселения, когда дед, Фёдор Степанович Иванов, был определён в городок N. начальником местной ремонтной мастерской. Здесь вскоре и родился Мишка.

Он не расставался с бескозыркой, носил её до глубокой осени. И только когда выпадал первый снег, сразу делающий светлыми убогие грязные улочки и неказистые дома, прятал её в шкаф до весны и нахлобучивал ушанку.

Из-за бескозырки ребята и прозвали Мишку моряком. Они, конечно, кричали ему вслед «Эй, моряк, с печки бряк, растянулся, как червяк!», но в глубине души завидовали и сами бы не отказались от такого головного убора.

Учился Мишка так себе, перебиваясь с двойки на тройку, с тройки на четверку. Зато по физкультуре и труду у него всегда были одни пятёрки. Жилистый, выносливый, вёрткий, он и бегал быстрее всех в классе, и мяч гонял, и на турнике крутил «солнышко». А уж мастерить – строгать, выпиливать, гвозди забивать – его дед научил сызмальства. Вот и получались у Мишки самые крепкие табуретки, самые аккуратные скворечники.

Бабка Зинаида была умелой портнихой. Днём она трудилась в артели, выпускавшей рабочую одежду, а вечерами, да и частенько по ночам, обшивала местных модниц. В картонных папках с бечёвками хранила выкройки из «Работницы» и «Крестьянки», а то и из редких журналов мод, среди которых попадалась заграничная «Бурда».

Мишкина мама была медсестрой в районной больнице. Невысокая, худенькая, с легкими светлыми волосами, которые забирала в модный «хвост», что делало её похожей на школьницу. Наверное, поэтому никто в больнице не звал её по отчеству, а только по имени – Света, Светлана. Мишка привык слушать ворчание бабки, что, мол, могла бы дочь и на доктора выучиться, если бы не чёрт, который её попутал. Он всегда начинал смеяться и доказывать, что чертей не существует, но получал подзатыльник и убежал.

Про Мишкиного отца в доме никогда не вспоминали. Какое-то время он верил отговоркам про героически погибшего то ли лётчика, то ли капитана, но, подрастая, стал догадываться, кого имела в виду бабка Зинаида, поминая чёрта.

Однажды в конце учебного года учительница литературы попросила его помочь отнести в библиотеку несколько связок книг. Пока Наталья Петровна сдавала книги, болтая с библиотекаршей, смешливой рыжеволосой Верочкой, Мишка бродил между стеллажами. Взгляд его, скользящий по корешкам, выхватывал отдельные имена и названия, а голова слегка кружилась от того ни с чем несравнимого запаха, который присущ старым библиотекам. Верочка, расставлявшая по местам принесённые книги, на минутку задержалась, улыбнулась и быстрым, ловким движением сняла с верхней полки толстую книжку с золотыми тиснеными буквами.

– Вот, морячок, возьми, почитай, – голос у Верочки был похож на её веснушки, такой же звонкий, – это должно тебе понравиться.

И, всунув том ему в руки, поспешила дальше.

Мишка прочитал на обложке: «Жюль Верн. Пятнадцатилетний капитан», рассмотрел картинку, изображавшую паренька за штурвалом парусного корабля, у ног которого сидел пес. Обижать заботливую библиотекаршу не хотелось, и он, прихватив книгу, отправился домой.

Дед Фёдор еще не вернулся из мастерской, мать была на дежурстве, из комнаты бабки Зинаиды доносился стук швейной машинки – к лету, как обычно, было много заказов на платья, сарафаны. Мишка съел прямо со сковороды холодную котлету, присев у стола, раскрыл книжку... И вместе с Диком Сэндом под парусами китобойной шхуны «Пилигрим» отправился к берегам далёкой Африки.

Так хохотунья Верочка, сама того не ведая, укрепила в Мишке мечту о море и подарила ему еще одну страсть – к чтению. За летние каникулы Мишка перечитал почти все библиотечные книги, которые были связаны с морем и путешествиями. И первым получал все новинки, которые поступали потом. Да и учиться стал лучше.

К концу 8 класса Мишка твёрдо решил: поедет поступать в мореходку! Родные уговаривали его остановить свой выбор на ближайшем к дому речном училище, но парня манили морские просторы, ветер в парусах, далекие страны. И вот уже поезд везёт их с мамой в Ленинград, а на дне новенького, специально купленного коричневого чемодана лежит бескозырка с надписью «Смелый».

В училище Мишку приняли, даже место в общежитии выделили в комнате с тремя пацанами. Когда он в новенькой форме и начищенных ботинках провожал маму на вокзал, та, долго вглядываясь в его лицо, расплакалась и, уже стоя на площадке вагона, сунула ему в руку небольшой тряпичный свёрток. Проводив уходящий поезд, Мишка развернул кусочек пестрой ткани – внутри был маленький блестящий якорь, перевитый золотистым шнуром.

Середина 1970-х годов. Где-то в нейтральных водах Тихого океана.

Океан был похож на растопленное и разлитое по огромному блюду масло, которое не тревожил полуденный штиль. Солнце в этих широтах пекло нещадно, и матросы то и дело поливали палубу водой из шлангов, иначе можно было бы прожечь подошвы. Многодневный поход советской военно-морской эскадры близился к завершению, еще одна точка на карте учений – и обратно, к родным берегам.

Лейтенант Михаил Иванов отдыхал после дежурства и перечитывал письмо, которое получил из дома ещё до начала похода. Мать писала о домашних новостях, о том, что бабушка Зинаида, хоть и видит уже плохо, всё равно продолжает строчить на своей швейной машинке, а сама она получила повышение и теперь заведует приёмным покоем в больнице. О том, что у Верочки из библиотеки родились девочки-двойняшки, и теперь вместе со старшим Сережкой у неё трое ярко-рыжих малышей, а в библиотеку пришла работать новенькая, из соседней области, девчонка. О том, что покрасила ограду на могилке деда Фёдора, поправила крест и посадила его любимые пионы. И о том, как скучает по сыну, как волнуется, ждёт от него весточки.

Мишка достал из нагрудного кармана свой талисман – тот самый маленький якорь, задумчиво погладил его пальцами и уже приготовил лист бумаги, чтобы описать матери красоту океанских просторов, ребят из команды, надёжных, дружных, строгого и опытного капитана третьего ранга, своего непосредственного командира – сурового, молчаливого майора Степового, когда экипаж был поднят по тревоге. Радист перехватил сигнал SOS – тонуло пассажирское прогулочное судно, на котором внезапно начался пожар. Командование эскадрой приняло решение, что они должны сменить курс и идти на помощь терпящим бедствие.

Никто не мог предположить, что там хорошо продуманная ловушка противника. Когда они подойдут к тонущему кораблю, рядом с которым качались несколько шлюпок с испуганными пассажирами, вражеская подводная лодка начнёт ракетную атаку.

Атака была успешно отражена, а ответной, с корабля, подлодку удалось потопить. Но со стороны группы островов к ним устремились боевые катера. Пока матросы помогали пассажирам эвакуироваться из шлюпок на борт, группа офицеров во главе с майором Степовым начала контратаку: два советских катера были выпущены на воду навстречу противнику, и между ними завязался бой. Один вражеский катер был успешно поражён ракетой, второму удалось уклониться от атаки, и он развернулся к островам. Завязалась перестрелка, все три судна почти достигли острова, и противостояние грозило перенестись на берег. Мишке, находившемуся на первом катере, удалось подбить рулевую рубку вражеского, тот фактически потерял управление, но наш второй катер уже спешил на подмогу. Однако противник не собирался сдаваться и продолжал отстреливаться. Наконец, ракета со второго советского катера попала в цель, однако за мгновение до этого с той стороны прозвучал очередной выстрел. Стоявший у борта Мишка неожиданно был кем-то отброшен в сторону и от удара о палубу не сразу понял, что произошло. Когда гул в голове утих, он смог подняться и увидел, что рядом, истекая кровью, лежит майор Степовой. Заметив стрелка, тот в последнюю секунду оттолкнул Михаила и принял пулю на себя.

Бой был окончен, катера вернулись к крейсеру. Степового, не приходящего в сознание, перенесли на корабль, и им занялся военврач. По радиации вызвали медицинский вертолет с эскадры. Было решено оперировать майора прямо на борту. Мишка ни на секунду не отходил от раненого, а когда врач сообщил, что нужна кровь для переливания, вызвался первым.

– Не волнуйся, ты у нас и так единственный подходящий донор, только у вас со Степовым первая отрицательная группа крови, – сказал он, проводя Мишку в каюту, где лежал майор.

Когда всё было позади, усталый врач зашел к Мишке, проверить его самочувствие.

– И вот ведь как повезло Степовому, – проговорил он. – Если бы не носил в нагрудном кармане вот это, – врач протянул кожаный прямоугольник, в каких обычно хранят фотографии, разорванный посередине пулей, – то погиб бы на месте. А так пуля затормозила... Да, повезло.

Мишка осторожно взял кожаную обложку, развернул – внутри лежал такой же как у него, блестящий якорь с золотистым шнуром и пожелтевшая от времени фотография. С неё на Мишку смотрела юная, светловолосая девушка с мамиными глазами...

Проводница Любка уже в который раз носила в пятое купе мягкого вагона чай. Перед тем как постучать, она медлила, расправляла плечи, и её форменная курточка чуть не лопалась на обширной высокой груди. Однако два моряка, один молодой, другой старше, чем-то неуловимо похожие друг на друга, не замечали Любкиных стараний. Приняв у неё стаканы, в которых позвякивали ложечки, они продолжали свой разговор.

– Я был тогда курсантом и попал в больницу с аппендицитом. Чем еще заняться молодому парню после операции, как ни знакомиться с медсестричками? А тут как раз из медицинского училища пришли девчонки-практикантки. И среди них одна, как лучик солнечный, Светланка. Так мы и познакомились. Каждое утро ждал, когда она забежит в палату, зазвенит её голос, и мир вокруг станет светлее, радостнее... Влюбился так, что думать ни о чём больше не мог. И Светлана меня полюбила так искренне и открыто, как бывает в первый раз. Выписался я из больницы, стали мы реже встречаться, только когда я увольнение получал. Но и эти редкие часы были для нас счастьем. Уговорились мы пожениться, как только я училище закончу и получу распределение. Там и Светлана должна была учебу завершить. И тут отправляют нас

на внеплановые учения, куда – не говорят. Прощаясь, мы обменялись талисманами – маленькими якорями... Думали мы, что расстанемся ненадолго, а оказалось – навсегда.

Когда я через полгода с учений вернулся, узнал, что семья Светочкина переехала, а куда – никто не мог подсказать. Долго я пытался найти её новый адрес, да столько Ивановых в стране, что исчезла она, как иголка в стоге сена... А тут и окончание училища, назначение, новый поход... Всякий раз, возвращаясь на берег, я ждал чуда – вот схожу по трапу, а она стоит на причале, встречает меня. Продолжал искать, писал запросы в адресные службы – безрезультатно...

И, видимо, уродился я однолюбом. Так и не женился, семью, детей не завёл. Всё время в море. И ты знаешь, Миша, я ведь не обратил внимание на твою фамилию, за столько лет привык, что много Ивановых, да все не те. И не знал я, когда прощался со Светланкой, что она ждет дитя... А когда там, на катере, заметил стрелка и взглянул на тебя, показалось, что вижу её глаза. Как огнём обожгло. Сам не успел осознать, как тебя оттолкнул...

За окнами проносились огни полустанков, стучали колёса, в приоткрытое окно врывался свежий ночной ветер. А они говорили, говорили, стремясь вместить в эту ночь и Мишкино детство, и бескозырку со «Смелого», и далёкие походы, суровые матросские будни – всё то, о чём могут говорить отец и сын.

Перрон вокзала районного центра N., окутанный предутренним туманом, окруженный бескрайними полями, где под ветром волнами гнётся ковыль, вполне мог сойти за пристань в бурном море. И на этой пристани, в тусклом свете станционных огней, маленькая хрупкая женщина ждала двух самых дорогих ей мужчин...

Поезд в август

Поезд монотонно стучал на стыках остывающих после жаркого августовского дня рельсов. Этот стук успокаивал, убаюкивал пассажиров, большинство из которых уже мирно дремали на своих полках. Даже проводница, которую все давно звали не по имени, а исключительно Михална, немолодая, с сединой, пробивающейся в непрокрашенных у корней волосах, собрала пустые стаканы из-под чая и закрылась в служебном купе, чтобы передохнуть часок – другой.

Поезд был не скорый, не фирменный, а обычный, пассажирский, с выдавшими виды купейными и плацкартными вагонами. Потому и шёл он не быстро, с длинными остановками на перегонах, во время которых можно было выйти в поле или даже добежать до поблескивающей вдали речушки, чтобы искупаться. Когда же останавливались на станциях, коих между Закарпатьем и столицей Москвой великое множество, все пассажиры, и он в том числе, выполняли обязательный ритуал – выходили на перрон и покупали у местных торговков рассыпчатый отварной картофель, обильно посыпанный укропчиком, малосольные хрустящие огурчики, жареные в масле пирожки, крутобокие румяные яблоки. Многие мужички тащили из буфетов и ларьков холодные, запотевшие бутылки с пивом – для себя, с лимонадом – для детей и жён. А чем ещё заняться в дороге, длящейся более суток? Вот пассажиры и ели, пили, играли в карты, обсуждали отгремевшую этим летом Олимпиаду и напевали песенку про улетающего Мишку.

Ассортимент вагона-ресторана, куда он наведалься сразу, как только поезд тронулся от станции отправления, был предсказуем и невелик. Но он с аппетитом съел тарелку обжигающего супа-харчо, жирного, оранжевого, острого, домашнюю котлету с пюре и выпил стакан компота. Подумав, заказал 50 грамм коньяка с лимоном и долго крутил пузатую рюмку, не обращая внимания на пассажиров, ищущих свободное место за столиками.

Первый день пути пролетел как-то незаметно, но дневная жара утомляла – хоть и конец августа, но лето не сдавало своих позиций и не спешило побаловать прохладой. Он вышел из душного купе в коридор, чтобы не мешать соседям – молодой паре – укладывать малыша лет четырёх, опустил окно, с удовольствием подставил голову ветру, прикрыл глаза и долго стоял так, без единой мысли, растворяясь в этой тишине, нарушаемой только стуком колёс. Даже тихий шорох открывшейся двери соседнего купе не нарушил его уединения и покоя. По крайней мере, так могло показаться со стороны.

Поезд проскочил маленький сонный полустанок, поприветствовав его коротким гудком. Он очнулся, вглядываясь в промелькнувшие огоньки и едва различимые силуэты каких-то строений. Но вот окно снова потемнело, и в нём отражались только двери купе, тусклый свет вагонных лампочек и он сам – высокий, широкоплечий, с угадывающимися под рукавами рубашки крепкими мускулами. Коротко стриженные, практически выгоревшие светлые волосы, смуглая обветренная кожа, серые, скорее даже стальные глаза – холодные, цепкие.

Лёгкий, едва слышный смех рассыпался по коридору – так катятся бусинки с разорвавшейся лески или мелкие монетки из дырявого кармана. Он повернул голову и сперва увидел её отражение в соседнем окне. Она была ему едва по плечо, не худая, ладненькая, длинная чёлка падала на глаза, от улыбки на щеках играли ямочки.

– Простите, но вы так внимательно разглядывали себя, что мне стало смешно, – она опять негромко засмеялась, откидывая непослушную чёлку. Глаза под ней оказались зелёными, глубокими, как лесные омуты, а вздёрнутый носик весь усыпан веснушками. «Совсем ещё девочка, школьница, – подумал он. – Такой купить мороженое, воздушный шарик и сводить в кино или зоопарк».

– А вы на киноактёра похожи, только вот не помню на какого, – в её голосе, специально пониженном, чтобы не разбудить пассажиров, была лёгкая, возбуждающая хрипотца. – Я уже целых два месяца не была в кино! Представляете, сколько пропустила! Как в ссылке торчала у родственников в каком-то захолустье. А вы какие фильмы последние смотрели?

Он давно ничего не смотрел, не было ни времени, ни возможности, но почему-то соврал, вспомнив мельком увиденную афишу:

– «Два долгих гудка в тумане», – и полез в карман за сигаретами. Ему хотелось прервать неожиданный разговор, закурить, выйдя в тамбур, чтобы не видеть этих глаз, аккуратных маленьких грудок под тонкой белой маечкой, ложбинки на шее...

– Ой, а поделитесь сигареткой? – она заговорщически подмигнула, снова тряхнув чёлкой, и покосилась на дверь своего купе. – Мои все спят уже, не заметят.

– А тебе не рановато курить? – он старался говорить отстранённо и строго, так как перспектива оказаться с ней в тёмном тамбуре почему-то пугала до дрожи в кончиках пальцев, крутящих пачку болгарских «ТУ-134», именуемых в народе «смертью на взлёте».

– Нет, мне уже восемнадцать, имею право, – слукавила, вздёрнув вверх подбородок и демонстрируя нежную, беззащитную шею. – Ну что, идём?

И, схватив тонкими пальцами его запястье, потащила за собой по коридору. Где-то за спиной открылась дверь служебного купе, Михална, ворча, загремела чем-то у титана, но они уже нырнули в темноту и прохладу тамбура. Закурили. Он быстро, умело, глубоко, со вкусом затянувшись, она – нарочито демонстрируя свою взрослость и подражая ему, от чего сразу закашлялась.

– Крепкие!

Он угадывал её в темноте по едва белеющей маечке и мерцающему огоньку сигареты, которую она изредка подносила ко рту. Было очевидно, что курить она не умела. Но это не имело никакого значения.

Она болтала о том, о сём, задавала ему какие-то вопросы, он отвечал односложно, но слова эти, как мячики от пинг-понга, летали между ними и складывались в им одним понятную игру: подача, удар, розыгрыш, ответный удар...

Распахнулась дверь между вагонами, в тамбур ворвался ветер, запах масла и жжёной резины, грохот сцепки, и вместе с ними ввалился какой-то тип, изрядно перебравший в ресторане. Увидев потенциальных собеседников, он попытался сфокусироваться, что-то неразборчиво мыча, шагнул вперёд, покачнулся и чуть не упал на девчонку, пытаясь облапить её, но был крепко схвачен за ворот и вытолкнут в следующий вагон.

– Ты в порядке? Не ушиблась? – он приблизился, стараясь рассмотреть в темноте её лицо, и наткнулся рукой на мягкое, слабое плечо. Она вздрогнула, но не отодвинулась.

– Всё хорошо, спасибо вам... тебе, что выкинул этого придурка... Терпеть не могу пьяных...

Тонкие пальчики легли на его предплечье, и он скорее почувствовал, чем увидел, как она вскинула голову, как приоткрылись и потянулись навстречу губы...

Понимая, что надо остановиться, прекратить этот затянувшийся спектакль, вернуться в купе и, забравшись на верхнюю полку, впиться зубами в казённую подушку, он обхватил рукой девичий затылок и, почти отрывая её от пола, со стоном приник к нежным, податливым губам.

Этот поцелуй был бесконечным, тягучим, засасывающим, как водоворот, в котором её упругое тело таяло в его жёстких ладонях. От него кружилась голова, останавливалось сердце, а где-то внизу живота разгорался жаркий и мучительный огонь. Он знал, что может сейчас всучить пару сотен Михалне, и на час-другой служебное купе будет предоставлено им; знал, что девочка пойдёт за ним, забыв про родных в соседнем купе, чувствовал, что и в ней горит тот же

огонь. Но не делал этого, продолжая целовать, ласкать, шептать какие-то глупости и слушать такие же в ответ, пока ранний рассвет не окрасил молочным цветом стены тамбура...

Она едва держалась на ногах, губы предательски распухли, волосы растрепались, и только в глазах светился всё тот же призывный зелёный свет. Он практически донёс её до купе, осторожно открыл дверь и прошептал:

– Спи, я буду охранять твой сон...

Мешать соседям не стал, постучался к Михалне и за полтинник получил полстакана водки, бутерброд с колбасой и возможность вздремнуть на служебной полке. Ну и вдобавок понимающий и всепрощающий взгляд умудрённой жизнью женщины. Не известно ещё, что из этого дороже...

Поезд подъезжал к Москве. Пассажиры, проснувшись, толпились в очереди в туалет, радио играло бравурные марши, Михална в чистой форменной блузе разносила горячий чай. Он стоял в коридоре у открытого окна, напротив своего купе, то и дело косился на соседнюю дверь. Его толкали снующие туда-сюда люди, он извинялся, стряхивая с лица глупую улыбку, и продолжал ждать. Вот вышел мужчина в спортивных брюках, полосатой тенниске, держа в руках несессер с бритвой, наверное, её отец. Дверца отъехала ещё раз – женщина средних лет, худенькая, в очках, сказала кому-то в глубину купе: «Я налью ещё чаю», и поспешила в сторону титана с кипятком.

Кто-то прошёл мимо, снова задев его, он отвернулся, чтобы извиниться, а она уже стояла рядом, упершись лбом в окно, делая вид, что разглядывает названия пробегающих мимо подмосковных дачных станций.

– Я не смогла уснуть... думала о тебе... досчитала до тысячи, потом сбилась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.